

Ветрова хозяйюшка

Основано на издании 1911 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/vetrova_khozyayushka/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Ветрова хозяйюшка

Жил-был на белом свете мужик Микола с женой молодой да дочкой Машей. Мачеха падчерицу недолюбливала, но виду не показывала, просто не доставалось девочке её любви да ласки. Но Маша не жаловалась: что Бога-то гневить? Вон, люди сказывают, иные мачехи поедом падчериц своих едят, со свету сживают, а её и не ругают, и не бьют. А то, что отцовская жена неласковая, никогда не пожалеет да не приголубит, так то и потерпеть можно.

Вот заставила ту семью нужда на чужбину перебраться, поселились они в дальних краях. Построили новую избу, да больно уж место неладное выбрали: открытое со всех сторон, ветер день и ночь гуляет. Как наткнётся тот ветродуй на дом Миколин, аж вззоет: злится, что поставили ему на пути такую помеху. А потом лютым зверем замечется, за кровлю ухватится и ну её рвать, ставнями хлопать, в двери ломиться. Бывает, иной раз так с разгону в стену хватит, что вся изба ходуном заходит.

— Снесу, – воет ветер, – домишко твой! Зачем его у меня на пути выстроил?

А Миколу досада берёт, никак не поймёт он, почему ветер к нему придирается. Вот стало под вечер опять на дворе выть да постукивать. Сидит мужик дома да ворчит:

— Вот что этому ветру-сумасброду от меня нужно?

— Так это он к дочке твой сватается, – подшучивает мачеха.

— Ой, ну не говори ерунды-то! – отвечает муж.

— А это не ерунда! Неужто не видишь, как ветродуй к Маше льнёт? Только падчерица моя за дверь, а он уж тут как тут: догонит, обнимет, за платье схватит, на ухо зашепчет. А как уйдет девчонка в избу, ветер сразу за ней в дом ломиться начинает.

Не успела мачеха договорить, как вдали загудело, захлопало, словно табун лошадей промчался. Всё ближе и ближе шум, потом притихло на миг, будто ветер с силами собирается, да вдруг как шарахнет со всех сил! Задрожала изба сверху до низу, дверь настежь растворилась. Пахнуло снаружи холодом, а затем в дом будто ворвалось что-то. Пошатнулся тяжёлый дубовый стол, зазвенела посуда да на пол попадала. И в ту же минуту огонь в печи погас, темно стало в горнице, словно в трубе. Никто с испугу и разглядеть не успел, что же такое случилось. А потом всё стихло, дверь смирёхонько затворилась и повисла в доме тишина гнетущая.

Очнулся мужик, стал шарить в потёмках, насилиу огниво да кремень отыскал, дрожащей рукой лучину засветил. Глядь, а в избе его гость незванный сидит: богатырь высоченный, косая сажень в плечах, сам косматый, бородища словно лопата, а лицо такое сердитое, страшное.

— Здорово, мужик! – говорит незнакомец. – Давненько я до тебя добираюсь, в две-

ри не раз стучался, только ты добром отворять не хотел. Пришлось мне прийти к тебе гостем непрошенным.

— Да кто ж ты такой будешь? – удивляется Микола.

— Уж будто не узнаёшь меня? Я – Ветер, здешних мест хозяин! Все леса, луга да поля, горы да синие моря на тысячи вёрст вокруг мне принадлежат. А ты на моей земле без спроса поселился, плати теперь выкуп!

— Какой такой выкуп?

— А вот какой: есть у тебя дочка-красавица, отдай её мне в жёны! Если по доброй воле благословение своё дашь, оставлю тебя в покое, волоса с твоей головы не сдую, соломинки с кровли не снесу. А коли противиться надумаешь, управлюсь с тобою по собственному разумению: приду с братьями своими Громом-богатырём и Градом-силачом да приведу сестрицу Грозовую тучу с бичами огненными. Братья урожай да скотину побьют, сестра скирды спалит да сено сожжёт, а я избу твою с лица земли снесу, так что щепка от щепки на десять вёрст ляжет, вовеки они друг с другом не свидятся. Всё добро твоё годами нажитое по белу свету размечу!

Услыхав такие слова, обмер Микола от страха, кинулся Ветру в ноги:

— Помилуй, добрый молодец, не губи! Бери из моего добра всё, что хочешь, ничего для тебя не пожалею! Коли пожелаешь, в слуги к тебе пойду, до скончания века своего на тебя работать буду!

— Ничего мне этого не надобно! – отвечает гость лютый. – Отдавай дочь, и всё тут!

— Да как же я могу кровиночку свою тебе отдать? Ведь ты же её погубишь, всё одежу на ней оборвёшь, неведомо куда унесёшь!

— Ничего, пусть погуляет со мной по белу свету. Что она кроме избы твоей видела? А так хоть на края чужедальние полюбуется, не век же девице за печкой сидеть! А об одеже ты не печалься: одну оборву, так в другую одену. Будет Маша у меня не хуже царицы наряжена: окутаю её туманом сизым, оберну тучками золотистыми, осыплю лепестками цветочными, обовью паутинкой тонкой. Умываться девушка дождиком тёплым будет, а сушиться – ласковым солнышком.

Слушают Микола с женой да дочкой речи те чудные, слова вымолвить боятся. А Маша к отцу прижалась, лицо руками прикрыла, украдкой из-за рукава выглядывает.

— Ну что, мужик, молчишь? Али тебе время, чтобы подумать, нужно? Так и быть: даю тебе срок до завтрашнего полудня. Как только солнце за тучку спрячется, а вихрь в поле закрутит, выводи дочь свою на крыльцо да сдавай мне с рук на руки. А коли не выведешь, несдобровать тебе: прахом развею весь твой скарб, по миру тебя нищим пущу!

Сказал Ветер эти слова да из избы прочь вылетел. А дверь ему вслед так сильно хлопнула, будто её богатырь в гневе с размаху затворил. Перетрусил Микола, не знает, на

что решиться. А молодая жена на ухо ему шепчет:

— Да разве ж нужно тут сомневаться? Каких царевичей-королевичей дочке твоей дожидаться? А этот жених-то важный, хозяин всей здешней земли! Если не поладишь с ним, так плохо нам всем придётся: ни Маше твоей, ни мне, ни тебе самому житья не будет, всех Ветер по миру пустит. А коли дашь своё благословение отцовское, будет и ей, и нам хорошо. Слышал, что Ветер невесте свой сулит? Будет она у него, мол, как царица наряжена: сизым туманом окутана, золотистыми тучками обёрнута, цветочными лепестками осыпана, тонкой паутинкой обвита.

Приговаривает мачеха эти слова, а у самой-то на уме другое:

— Только бы, — думает, — падчерицу с рук поскорее сбуть, чтобы из-за неё беды не нажить, а там будь, что будет! Пусть обряжает её по-своему... Сизый туман — не одеяло пуховое, золотистая тучка — не сарафан парчовый, цветочные лепестки — не платочки шёлковые, тонкая паутинка — не кружево. Пускай вся эта красота ненавистная под дождём промокнет да на солнце выгорит, пусть унесёт девчонку этот сорвиголова за тысячу вёрст отсюда, лишь бы глаза мои её не видели!

Нашёптывала молодая жена мужу своему, нашёптывала, да так и уговорила с Ветром не ссориться, отдать ему дочку. На другой день к полудню только стало солнце за тучку прятаться, а вихрь в поле закручивать, принарядили отец с мачехой Машу, дали ей пряник медовый, в карман орехов насыпали да на крыльцо вывели. А там уже жених девушку поджидает. Ухватил он её, заревел, загудел да унёс бедняжку неведомо куда.

С той поры тихо стало вокруг избы отцовской. Иной раз свистнет чуток за дверью или в окошко легонько стукнет, да и всё. Выглянет Микола:

— Кто там?

А Ветер в ответ:

— Это я, зять твой, поклон от Машутки принёс!

Обрадуется мужик, давай гостя зазывать:

— Ветерок, голубчик дорогой! Войди в избу, посиди, отдохни чуток да о доченьке моей ненаглядной расскажи. Где она? Как она? Здорова ли? Весела ли?

Но Ветру не до того: свистнет, стукнет, спиной повернётся, и след его простыл. А буян он такой был да гуляка, каких на всём белом свете не сыскать. Нрав крутой, неугомонный, трудно с ним сладить. Ох, и тяжело с ним Маше пришлось! Натерпелась она всякого горя да лишений. Носил муж её по разным далёким краям, всю одежду на ней оборвал, голодом заморил. Ночевали они и в дремучем лесу на мшистой постели, и в снежных сугробах далёкого Севера, и на горячем песке в южной степи. Только нигде девушке покоя не было: захочет она чем-нибудь укрыться, а Ветер возьмёт да сорвёт

одеяло, только Маша задремлет, а шальной буян как тряхнёт, она и проснётся. Долго девица терпела, а потом не выдержала, стала муженька своего отчитывать:

— Вот ты такой-сякой-разэдакий! Сорвиголова нечесаная, образина неумытая! Нет у тебя ни приюта, ни кровли, ни дна, ни крыши! Негде тебе молодую жену пристроить, какие уж тут наряды, хоть бы самой в живых остаться! Да и бездельник ты к тому же: не сеешь, не жнёшь, железо не куёшь, дрова не рубишь, дома не строишь, нет у тебя ни ремесла, ни торговли, нечем тебе жену кормить, не во что одевать! И зачем ты, чучело косматое, только замуж меня позвало? Зачем, оборванец, унёс меня из дома родительского? Или ты, злодей, погубить меня вздумал?

Заревел Ветер, разгневался, речи такие услышав. Почернело его лицо морщинистое, на толстых губах пена белая выступила, да как закричит он во всю мощь:

— Ах, ты так! Перечить мне вздумала?! Ну, уж я тебя сейчас ублажу!

Налетел лиходея на Машу, схватил её за косу русую да как начал таскать! Уж кричала бедняжка, уж стонала, слезами горькими умывалась, а муж будто и не слышит ничего. Утолил он свою злобу, отнёс жену еле живую в пустое, дикое место да там и бросил.

— Оставайся, – говорит, – здесь, коли тебе со мной по полям, по леса, по морям да по горам летать не мило! Живи тут одна да жди, пока я назад возвращусь.

А потом засвистел, закрутил, запылал да был таков. Осталась Маша одна-одиношенька. Лежит бедняжка, дух переводит. Как очухалась немножко, решила вокруг осмотреться. Глядит по сторонам: нигде человеческого жилья не видать, кругом трава высохшая, камни торчат большущие, да кое-где деревца тоненькие растут, а из-за холма два льва выглядывают. Захотелось девушке пить, а воды-то нигде нет! Вот пошла она источник искать. Еле идёт: ноги босые, а камни-то раскалённые! Бродила она, бродила, только всё без толку – везде сухо. А пить-то уж так хочется! В горле совсем пересохло, язык к небу прилип, еле ворочается. Вдруг неподалёку кряканье услышалось, а потом крылья захлопали. Только подошла Маша к тому месту, как из-за камня уточка серая в небо взвилась. Посмотрела девушка внимательней и увидела в камне ямочку малюсенькую, а в той ямочке – лужица дождевая, почти совсем высохшая, совсем чуть-чуть водички на донышке осталось. Уж так бедняжка обрадовалась, что, наверное, полжизни бы за эту лужицу отдать не пожалела! Только она собралась к водичке губами припасть, как услышала за спиной дикий рёв:

— Девица, милая! Не пей, погоди! Пожалей ты меня, дай хоть глоточек! Целые сутки терплю, ни капельки водицы во рту моём не было, только слюнки свои глотаю!

Оглянулась Маша, а позади неё медведь на суку стоит. Как увидел он девушку, с дерева слез, одну лапу поджал и на трёх к камню заковылял. Язычище у него красный, из

пасти висит, весь мухами облеплен. Жалко стало девушке зверя дикого.

— У меня ещё так язык изо рта не висит, – думает. – Я могу и подождать.

Отошла она от камня, пустила медведя к воде.

— На, – говорит, – пей! Тебе нужнее!

Кинулся зверь к лужице и одним залпом всю воду выпил, даже донышко языком облизал. Досадно стало Маше, что медведь ей ни капельки не оставил:

— Ух, ты какой жадный! Всё вылакал! А мне ведь тоже пить хочется! Кабы я знала, что мне ни капельки не достанется, сама бы сначала напилась!

— Не жалея! – отвечает зверь дикий. – Может статься, что я отплачу тебе когда-нибудь за услугу.

Вздыхнула девушка, рукой махнула да прочь пошла. А медведь за ней ковыляет, не отстаёт. Маша быстрее – и медведь быстрее. Она бегом – и он бегом.

— Постой! погоди! – кричит косолапый. – У меня к тебе ещё одно дело есть!

А девица думает:

— Какое ещё такое дело? Небось, напился, а теперь есть захотел!

И как бросилась наутёк! А медведь сзади пыхтит, кряхтит, никак нагнать не может – на трёх-то лапах тяжело! Жалко Маше стало зверя раненого.

— Пропадёт ведь, – думает, – ежели я здесь его, хромого, брошу.

Вернулась девушка и говорит:

— Слушай, Миша! Если ты в награду за то, что я тебя напоила, съест меня хочешь, то уж не криви душой, так и скажи прямо!

— Нет, что ты! – отвечает медведь. – У меня такого и в мыслях не было!

— Так чего же тебе от меня ещё надобно?

— Хотел я тебя попросить посмотреть, что у меня с лапой случилось, почему я на неё наступить не могу? Кабы не боль страшная, давно бы уж я дома был!

Сжалилась Маша, подошла к зверю:

— Ну, показывай! Где там у тебя болит?

Протянул медведь девице лапу, а сам стонет, слёзы по щекам бегут.

— Ого! Так у тебя тут заноза огромная! Подожди-ка, сейчас вытащу.

Уж девушка и так пыталась, и эдак – ничего не получается. А потом изловчилась, схватила занозу зубами да и вытащила. Тут же брызнула из ранки кровь алая. Что делать? Перевязать-то нечем! Оторвала тогда Маша полрукава от сорочки своей, наложила на лапу медвежью повязку.

— Ну, – говорит, – скоро будешь ты, Миша, здоров! А теперь прощай!

— Нет, девица, не могу я с тобой просто так расстаться! Ты меня напоила да вылечила, хочу я тебе добром отплатить. Не побрезгуй, заходи ко мне в гости!

— Ой, боюсь я! Вдруг там вашего брата целая стая?

— Нет, я один живу!

— Но у тебя в доме воды нет, а мне пить до смерти хочется.

— Ничего, поищем, авось и водица найдётся.

— Ну, хорошо, пойдём.

Шли они так вдвоём, шли, пока из пустынной местности не выбрались. Показалась впереди зелёная роща, за рощей гора, а под горой избушка. Смотрит Маша по сторонам, а медведя-то и след простыл. Подошла девица к дому и увидела на крылечке старца почтенного.

— Дедушка, – спрашивает путница, – не встречал ли ты тут поблизости медведя?

— Нет, девушка-красавица, не встречал, – отвечает старик.

— Эко диво! Шёл косолапый впереди меня, шёл, а потом взял да исчез.

— Тебе, милая, видимо, почудилось.

— Да какое там! Ведь он меня сюда и привёл!

— Нет, девушка-красавица, это не он тебя сюда привёл, а я. Это меня ты напоила, из моей пятки своими зубами занозу вытащила, а потом рану мою перевязала. Смотри!

Глянула Маша, и в самом деле: босая нога у деда тем самым лоскутом перевязана, который она от своего рукава оторвала. Стоит девица, глазами хлопает, ничего понять не может.

— Не удивляйся! – говорит старец. – Так и быть, расскажу я тебе всю правду. Наказал меня Господь за мои грехи, сделал так, что я иной раз свой облик человеческий теряю. Как только мне есть или пить захочется, так и превращаюсь я в зверя дикого. Но ты меня не бойся, я тебе зла не причиню! Вот, испей-ка водицы да хлебушка покушай. А потом посиди, отдохни, вон как ты, бедняжка, измаялась!

Напилась Маша, наелась, отдохнула, а потом стал старичок её расспрашивать:

— Ну, поведай мне теперь, душенька, кто ты, откуда будешь да как тебя в наши края занесло?

Рассказала ему девушка всё по порядку: как посватался к ней Ветер буйный, как умчал он её из дома родительского, как носил по свету белому, как жили они без крыши над головой, как изморила она вся да стала мужа своего корить. Сначала Маша тихонечко говорила, а как речь до обиды дошла, не выдержало её душа, закипела в ней злая досада. Вспыхнула девица, словно огонь, горячие слёзы из глаз полились, гневные речи из уст потекли без удержу, без смысла...

Удивился старец:

— Что это с тобой, красавица? Успокойся!

Но девушка так разошлась, что и не слышит дедушкиных слов, дрожит вся, топает, руки заламывает, волосы на себе рвёт!

— Ах, вот как тебя обида обуяла, не можешь сама угомониться! Так я тебя успокою, – с этими словами достал старик из-за пазухи пузырёк, отхлебнул из него маленечко да на гостью свою прыснул.

И в ту же секунду Машу словно водой студёной обдало, притихла она, весь гнев куда-то пропал. Вздохнула девица, рукой по лицу провела, потом под села к дедушке смирёхонько, смотрит ему в глаза преданно да улыбается.

— Что за чудо со мной сотворилось? – спрашивает она. – На сердце моём так тихо вдруг стало, как будто я младенец новорожденный!

А старец ни слова не говорит, только глядит на девушку да посмеивается. Но Маша не унимается:

— Дедушка, чем это ты на меня прыснул?

— А это у меня водица такая волшебная есть, терпеливою капелькой называется, – отвечает старик.

— А где ж ты её достал?

— То история длинная, вот послушай, что я тебе расскажу... Под горой, у которой я живу, камень лежит – твёрдый, словно кремень, даже ломом железным его не расколоть. А с самой верхушки горы, из родника чистого капает на тот камень водица: тихонько, терпеливо, днём и ночью, в будни и в праздники, без отдыха да без передышки. Зима наступает, затем весна приходит, потом лето, а за ним осень – годы летят, а водица всё в одно место тихонечко кап да кап. И ничего страшного, что от работы её усердной долгое время никакого толка не видно: рано или поздно докапает она наконец-то до того, что появится на камне след. И станет этот след с каждым годом всё глубже да глубже. А через сотню или даже через тысячу лет добьётся-таки водица своего таким усердием да терпением – продолбит твёрдый камень насквозь! Слыхала, небось, поговорку: «Вода камень точит»? Так вот, самая последняя капля той водицы, которая сверху упадёт и продолбит-таки камень, как раз и называется терпеливою капелькой. Кто успеет её подстеречь да себе взять, тот получит силу великую – такую, перед которой горы расступаются, запоры железные открываются, а лютые звери ягнятами тихими к ногам припадают!

Задумалась девушка.

— А велика ли она, эта капелька? – спрашивает.

— Нет, милая. Капелька эта не больше других, но она всем остальным каплям наследница, всё их могущество в ней воплотилось. И что ты с той терпеливой капелькой ни делай – мешай с чем попало, разводи, сколько душе угодно – сила её никогда не те-

ряется.

— Ах, бабушка, какая же это славная капелька! Так значит, ты её нашёл и теперь разводишь?

— Да, развожу.

— А можешь ли ты и для меня чуть-чуть такого волшебного раствора сделать?

— Да на что он тебе?

— Я вот что задумала: если мой мужёнок любезный вернётся да захочет меня опять по свету за собой таскать, я уж его утихомирю!

Усмехнулся дед:

— Я у тебя в долгу, а долг платежом красен. Поэтому не могу отказать в твоей просьбе, поделюсь с тобой терпеливой капелькой.

Взял он пустой пузырёк, отлил в него немножко раствора волшебного и Маше отдал.

А Ветер тем временем по земле носился, лютовал. Как подустал да по жене своей соскучился, вернулся на то место, где девушку полуживую бросил, отыскал её следы и к старцу во двор явился. Ударился он о сырую землю, превратился в могучего богатыря.

— Здравствуй, жена! – говорит.

— Здравствуй, мужёнок мой любезный, – отвечает девица.

— Ну что, как ты тут без меня поживаешь?

— Да ничего, Бог миловал, отдохнула маленько.

— Ну, тогда хватит прохлаждаться, собирайся-ка в путь!

— Куда это?

— Не твоё дело! Куда подую, туда тебе и дорога!

— Нет уж, голубчик, – воспротивилась Маша, – спасибо! Ступай-ка ты один, коли тебе на месте не сидится. А мне надоело с тобой по свету мотаться. Кроме как домой к отцу родимому, никуда я не хочу!

Рассердился Ветер, лютым зверем на жену посмотрел:

— Ах, ты, такая-сякая, нескладная! Забыла, как я тебя трепал? Мало тебе досталось? Так я сейчас напомню!

И накинулся он на девушку злым ястребом. Да только на этот раз Маша не оплошала: достала из-за пазухи пузырёк с терпеливой капелькой, отхлебнула немножко да как прыснет мужу своему прямо в лицо! Тут же его повело, покорило. Упал Ветер на землю, крутится, корчится, дух перевести не может. И куда только рост его могучий да удал молодецкая подевались? Съёжился весь, маленький стал, словно игрушка детская, вертится волчком, а поделывать ничего не может. Расхохоталась тогда девушка, под-

няла муженька, руки-ноги ему ниточкой опутала, в тряпочку завернула да за пазуху спрятала.

— Ну, – говорит, – погулял ты, дружок, и довольно. Теперь посиди тихонько, отдохни.

А Ветер из-за пазухи пищит тоненьким голоском:

— Машенька, голубушка, что ты со мной сделала? Тесно мне, родимая! Развяжи меня, миленькая, освободи!

А сам бьётся у неё под сердцем, словно птичка малая. Прыснула Маша на мужа своего скукоженного ещё капельку водицы волшебной – совсем он присмирел да затих. Вернулась девушка к старичку весёлая-превесёлая:

— Спасибо, – говорит, – тебе, дедушка, за капельку терпеливую. Великую службу она мне сослужила! Нет больше Ветра лютого, есть крохотный сквознячок. И сидит он теперь у меня чуть за пазухой чуть живой, с ручками да ножками ниточкой опутанными, еле дышит.

— Ну, – отвечает старец, – рад я, что смог тебе долг вернуть. Настал теперь конец твоим мучениям.

А Маша не то чтобы совсем не хотела мужа на волю выпускать, просто решила поддержать его за пазухой до поры, до времени – посмотреть, что из этого выйдет. А ничего хорошо из этого не вышло: как Ветер в плен попал, пришла на землю беда великая. В одном государстве, где солнце каждый день светило, некому стало тучки гнать. И наступила там засуха, да такая страшная, что все листья на деревьях пожелтели, словно осенью, вся земля растрескалась. Пошли по городам да по сёлам пожары, заволокло небо дымом, и глядело сквозь тот дым солнце на землю тусклым, кровавым пятном. В другом государстве, где дожди каждый день шли, некому стало тучи разгонять. Начались в том царстве наводнения, всё вокруг водой залило, все дороги размыло, все луга размочило да в болота превратило. Малые лужицы стали большими озёрами, ручейки журчащие превратились в реки бурливые, вышли они из берегов и затопили поля, сёла да города. Не стало никому ни прохода, ни проезда. Да к тому же по всему свету перестали мельницы молоть: ветер не дует, поэтому и крылья не вертятся, а раз крылья не вертятся, так и колеса не ходят, а колеса не ходят, значит, и жернова стоят. Увозят селяне с мельниц тех зерно назад немолотое. Во всех морях корабли с товарами остановились, не могут дойти до берега: Ветер не дует, паруса на мачтах висят, не шелохнутся, вода стоит, словно зеркало, не шевелится, стали моря водорослями, словно луга, зарастать. На кораблях запасы съестные закончились, пресной воды почти не осталось, матросы носы повесили, капитаны с горя запили. А на пристанях люди товаров ждут – никак не дождутся. Ни привоза нет, ни вывоза – значит, и у носильщи-

ков работы нет. Купцы все товары заморские распродали, заперли лавки, нет у них дохода. Всем беда грозит неминуемая...

И пошёл народ к своим царям, обступил палаты каменные. Толпятся люди день и ночь, на коленях стоят, челобитные бьют. Встревожились все государи, созвали думы боярские. А бояре сидят день и ночь, ничего придумать не могут, толкуют – никак не дотолкуются. Рассердились тогда цари, распустили думы боярские, призвали на помощь колдунов да звездочётов. Только и те лишь руками разводят, ворожат, на звёзды смотрят, а как беде помочь – не знают. Велели государи заточить всех магов в башни высокие, в подвалы тюремные, за окошки решётчатые. А потом приказали казнить их за то, что наукой своей хвастают, с людей деньги берут, а поделывать ничего не могут.

И вот повели одного колдуна на площадь торговую, чтобы предать его смерти прилюдно. Идёт старик скованный, вокруг него стража царская, сзади палач с топором острым. Попался им по пути дом высокий, а из окошка на чердаке как раз работница перину вытряхивала. Отделилось от той перины пёрышко махонькое и стало на землю падать. Смотрит колдун, а пёрышко ровненько летит, не крутится, не виляет из стороны в сторону. И вдруг старика осенило: не может перо так ровно падать, его ветром хоть чуть-чуть, но кружить должно. Воздел колдун руки к небу и спрашивает:

— Господи, а куда же Ветер подевался?

А вместо Бога с крыши ему ворон отвечает:

— Жалкий ты колдуниска, лысая твоя голова, седая твоя борода! Сто лет на свете живёшь, все науки волшебные изучил, а не знаешь, что с Ветром случилось!

Свистнул тогда старик по-своему, у ворона крылья-то и подкосились. Рухнул он с высокой крыши вниз, а колдун его ногой к земле прижал и шепчет:

— Коли не скажешь сию же минуту, что тебе известно, или солжёшь, сию минуту тебе конец настанет!

Умирать-то ворону неохота, стал он рассказывать:

— Взял Ветер в жёны Миколину дочь Машу, а она его по рукам, по ногам нитками связала да к себе за пазуху спрятала. Все звери лесные да все птицы небесные про то знают, одни вы, люди, ничего не ведаете.

— А где ж искать ту девицу? – спрашивает колдун.

Указал ему старый ворон дорогу и обратно на крышу взмыл. Велел тогда старик стражникам вести его к царю.

— Узнал я, – говорит, – всю правду истинную. Обо всём государю расскажу.

Привели колдуна к царю, всё он ему без утайки доложил:

— Так и так: оттого все беды, что Ветер не дует. А не дует он потому, что его жена – Миколина дочь Маша – по рукам-ногам связала да за пазухой у себя спрятала.

Тот час же велел государь указ издать: Ветер у Миколиной дочери отнять, а её саму в кандалы заковать да в царский дворец доставить. Колдуна государь приказа до поры, до времени в темнице держать.

— Коли правду ты, старик, сказал, – говорит царь, – отблагодарю тебя щедро. А ежели солгал, то такую казнь тебе придумаю, что старый мой палач Ерёмка и тот испугается.

Отыскали гонцы Машу, стали у неё выпытывать:

— Ты зачем, такая-сякая, мужа своего упрятала?

— А вам-то что за дело? – удивилась девушка.

Зачитали ей тогда гонцы царский указ, а Маша-то неробкого десятка, подбоченилась и дерзко так отвечает:

— Сполна я от мужа своего натерпелась! Теперь что хочу, то с ним и делаю. А посторонним в наши дела семейные вмешиваться не пристало!

Стали гонцы меж собой толковать, как им с девицей строптивой поступить. И решили они царский указ в точности исполнить: мужа отнять, а её саму в кандалы заковать да во дворец доставить. А было их пятеро, да стражи с ними человек сорок. Говорит старший гонец стражникам:

— Подержите-ка, братцы, бабу непокорную, а я её обыщу.

Испугалась Маша.

— Ну, – думает, – дело плохо. Капельки моей терпеливой не хватит, чтобы всех их разом опрыснуть.

Вынула она тогда мужа своего из-за пазухи, руки-ноги ему распутала и шепчет:

— Ой, беда-беда, муженёк! Глянь, сколько человек по наши души прибыло! Хотят нас с тобой в кандалы заковать да в темницу упечь.

Как выпрыгнет Ветер из Машиных рук, как развернётся! Вмиг ростом в косую сажень вырос, тряхнул головой косматой да как закричит:

— Эй, вы, мелкота! Не по плечу себе дело затеяли! Вот я вам сейчас трёпку задам!

А потом свистнул, дунул, и тут же помело вокруг, закрутило гонцов со стражниками, раскидало по всей округе.

— Ну, жёнушка, – говорит Ветер, – а теперь мы с тобой счёты сведём.

Кинулся было на Машу, а у неё уж пузырёк с терпеливой капелькой наготове. Прыснула она ему в лицо волшебной водицей, вмиг скрутило мужа в три погибели, превратился он опять в сквознячок крохотный, крутится по земле волчком, а поделать ничего не может. Засмеялась девушка, подняла кроху, руки-ноги ниточкой опутала, да опять к сердцу своему поближе спрятала.

А гонцы со стражниками как в себя пришли, разнесли по всему свету весть о том,

что сидит Ветер за пазухой у своей молодой жены, опутала она его чарами волшебными, да так сильно, что ничем его оттуда не выманишь, никакой силой не возьмёшь. Опять стал народ в городах да сёлах на сходки собираться, толковать, как горю своему помочь. Решили люди идти к Ветровой хозяйшке да челом бить: просить, чтобы не губила она род людской, не держала мужа денно и ночью около своего сердца, а отпустила бы его на работу. Отправились к Маше посланники с подарками ценными: золотом, серебром, парчой, мехами собольими да камнями самоцветными. И вот стали являться к девице люди со всех сторон света, разного чина и звания. Всех Ветрова хозяйшка встречает ласково, выслушивает милостиво, от всех подарочки дорогие принимает.

— Хорошо, — отвечает, — подождите маленечко, в рощице пока погуляйте, а я подумаю, что вам ответить.

И так жалко ей простых людей стало!

— Сколько же народа, — думает, — великую нужду терпит! Надо бы им помочь. Да и суженый мой бедный давно уж в неволе томится. Не век же его под рубахой держать, когда-нибудь придётся и выпустить.

Ушла Маша в поле, достала муженька своего из-за пазухи и говорит ему ласково:

— Ну что, голубчик, долгонько уж тут сидишь, ручки-ножки у тебя, затекли, небось? Чай, погулять на воле хочется?

— Уж как хочется, моя душенька! — отвечает Ветер. — Не томи ты меня, родимая! На белый свет выпусти!

— А вдруг ты меня опять бить-колотить да по всей земле таскать-трепать будешь?

— Не буду, милая, клянусь! Испытал уж я дважды на себе силу твою волшебную! Знаю теперь, что мне с тобой ни за что не справиться! Обещаю отныне и впредь быть покорным во всём, уважать тебя да служить верой и правдой!

— Ладно, так и быть — поверю. А теперь выслушай, что я скажу... До сей поры была я о тебе невысокого мнения: думала, что буян ты да праздный гуляка, нет у тебя никакой работы, не владеешь ты никаким ремеслом. А теперь раскаиваюсь, по глупости своей я тебя обидела. На самом деле есть у тебя дело, да такое, что всему свету нужно! Только больно уж мне обидно, что всякий работник, даже самый никудышный, какую-никакую плату, а получает. Ты же трудишься даром, до седых волос дожил, только так ничего и не нажил. Разве ж это годится? Женился ты, а жить тебе с семьёй негде, нет у тебя ни кола, ни двора. Даже деток завести не можешь, потому что тебе их кормить нечем. В общем, богатырь ты сильный да могучий, а хозяин плохой. Так что, придётся мне вместо тебя хозяйничать. Авось, дело иначе пойдёт!

Выслушал Ветер жену и отвечает:

— Ладно ты говоришь! Вижу, что девушка ты умная. Хозяйничай, как умеешь, пусть будет всё, как ты пожелаешь. А я отныне верным слугой твоим буду.

Как только Ветер эти слова вымолвил, распутала Маша ниточки да мужа своего освободила. Поднялся он на ноги, потянулся, развернулся, сразу в косую сажень вырос, тряхнул косматой головой и спрашивает:

— Ну, хозяйюшка, что прикажешь?

— Ступай покуда, отдохни, ножки затёкшие разомни. Только далеко не улетай, чтобы я до тебя докричаться могла.

Махнул Ветер в чистое поле, стал там разгуливать. Тут же поднялась во всей округе буря страшная: вихрем крутит, зверем воет, рвёт да ломает всё, что на пути встретит. Перепугались посланники до смерти, кинулись всей толпой из рощицы к Маше на подворье, а там тишь да гладь – даже травиночка не шелохнётся.

Говорит им тогда Ветрова хозяйюшка:

— Не бойтесь, люди почтенные. Это я по вашей просьбе мужа своего освободила. Ходит он тут неподалёку, оправляется, ножки затёкшие разминает. А теперь послушайте, что я вам скажу... Ветер долгое время на всех даром работал, денег ни с кого не требовал. И не потому, что он крепостной, и трудиться на вас бесплатно обязан! Просто он один был, сам по себе, ничего ему не нужно было, что хотел – то и делал. Теперь же этому баловству конец настал! Женился он, должен о детках будущих думать да жене своей угождать. Отныне будет не так, как ему вздумается, а так, как я решу! А я хочу, чтобы от трудов его праведных нам обоим польза была. Пришлите работников, пусть они построят для нас дворец на морском берегу. Да такой, чтобы в этом дворце можно было царей да падишахов со всего света собирать и на славу угощать. Слуги должны быть у нас усердные, стража почётная, а казна – богатая. И чтобы вокруг того дворца город был выстроен. Пускай поселятся в нём купцы да ремесленники, откроют лавки с товарами заморскими да мастерские разные. С каждого корабля, что по морю ходит, должны мы по рублю получать, с каждого поля – зерна мешок, с каждого стада – телёнка или ягнёнка, с каждого табуна – жеребёнка. И если вы, люди почтенные, на это согласны, то будет мой муж на вас работать по-прежнему. Все невзгоды тогда вас минуют, все убытки вернутся с лихвою.

Переглянулись посланники между собой, а потом поклонились девушке в пояс:

– Ладно, Ветрова хозяйюшка! Пусть будет так, как ты хочешь!

И всё было исполнено так, как Маша велела. Вокруг того места, где старый дед ей пристанище дал, неподалёку от морского берега возвели пышный дворец, а вокруг него город огромный. Зажила Миколина дочь со своим мужем по-царски. Не жали они и не сеяли, не ковали и не строили, не покупали и не продавали, а было у них всего в изо-

билии: амбары да кладовые полные, стада да табуны несметные, казна царская да стража почётная. Созывали они царей да падишахов со всего света, закатывали пиры горой. И на всех тех пирах среди государей заморских во главе стола, на самом почётном месте всегда сидел простой мужик Микола – Машин отец. А жена его – Машина мачеха – совсем зачахла от зависти. И был Ветер могучий сильнее всех богатырей на свете. Ходили против него войной не раз силы несметные, да никому так и не удалось Машиного мужа одолеть. Выйдет он один против всех в чистое поле да как размахнётся, как дунет, тут же все летят кувыркком в разные стороны. Но не за одно это Ветер почёт да славу заслужил, а ещё и за то, что работал он усердно на каждого без разбора, и всякому его работа нужна была.